

Драматургия жизни

Экран и сцена - 1997. - 27 февр. - 6 марта - 64.

Омская Шамбала

Тарская церковь встретила неожиданно профессиональным хором; шла рядовая служба в один

из зимних морозных вечеров в старейшей церкви города Омска. Единственным разумным объяснением этому нечаянному подарку судьбы могли быть, пожалуй, лишь афиши Омского музыкального театра, виденные накануне и пестрившие именами заслуженных и народных артистов.

Вообще, Омск оказался на удивление театральным городом. Все его пять театров работали с полной нагрузкой. Один из них, Пятый Омский государственный драматический театр, и был целью моей командировки.

Пьеса Клода Манья "Оскар" (в омском варианте – "Кто сделал ребенка моей дочери?"), которую задумал поставить режиссер-москвич Петр Кротенко, сулила шумный успех своей актуальностью. Классическая комедия ошибок о мошенничествах крупного мыльного фабриканта Барнье и его коммерческого директора, с легкостью превращающих чемоданы с миллионами франков в мыльные пузыри, внезапно обернулась кривым зеркалом российской действительности эпохи первоначального накопления. И, некогда процветающая полуторамиллионная столица Сибири – Омск, – обогнавшая на три часа московское время, была застигнута врасплох ветрами этой действительности. Они расцвели рекламами иностранных бутиков и импортной техники старые улицы города, недавно отметившего 280-летие, наполнили многоголосой кавказской речью коридоры изрядно обветшавшей, но не утратившей своей стальной монументальности гостиницы "Сибирь", творя миф о внешнем благополучии омичей.

К сожалению, – только миф. В погружающемся на несколько часов в день во тьму городе, где отключают электроэнергию в связи с энергетическим кризисом и неплатежами, большая часть жителей по-прежнему работает на государственных предприятиях, и уж им-то, как никому другому, известны многомесячные задержки зарплаты. Поэтому семизначные цены на дубленки и обувь, которые я увидел в одном из центральных омских универсамов, показались неуместной шуткой. А, впрочем, шуткой ли?

В нынешний свой проезд я остановился в санатории "Русь" на берегу Иртыша. Большой современный санаторий, рассчитанный на полтысячи мест, явно бедствовал; из всего небольшого количества его населения отдыхающих было всего четверо, включая меня. Зато из окон моего номера открывался замечательный вид на замки-особняки новых русских, облепившие берег Иртыша.

Многие из них находились в стадии возведения, иные поблескивали новой жестко свежепокрытых крыш. Все эти крепшищи-бункеры с зубчатыми стенами из красного кирпича с трех этажах внушали непоколебимую уверенность в завтрашнем дне города Омска. Но я-то существовал в дне нынешнем, а он выглядел неутешительно для большинства жителей города.

"Мы все живем в долг, – сообщила мне в доверительной беседе администратор одного из омских театров. – Даже билеты по коллективным заявкам мы вынуждены отпускать в кредит. Ни у кого нет денег".

И все же театр остается в Омске наиболее доступной и демократичной формой досуга. Его в пору было бы сравнить со своеобразным пиром во время чумы. Можно без преувеличения сказать, что меню этого пира своим разнообразием и изысканностью составило бы честь любому столичному театрам. Недавно прошедший в городе фестиваль японского театра и драматургии – прямое тому свидетельство. Один из спектаклей Омского академического театра драмы "Женщина в песках" по роману Кобо Абэ (режиссер Владимир Петров), выдвинут в этом году на соискание премии "Золотая маска".

Репертуар омских театров ежегодно пополняется десятками новых спектаклей. Взять, к примеру, Пятый государственный драматический театр, актеры которого, не получая более трех месяцев зарплату, продолжали выпускать спектакль за спектаклем под руководством нового художественного руководителя Петра Кротенко. Шесть премьер прошли в театре в 1996 году, и среди них: "Улыбка Хокусая" С.Ясира, "Безумие любви" С.Шепарда, "Хозяйка гостиницы" К.Гольдони.

Существование омских театров – не согласно, но

вопреки логике окружающей действительности – внушает мысль о чуде. И если высаящаяся в центре города гигантским миражом городская библиотека уже подернулась рыской рекламой оккупировавших ее коммерческих фирм, то театры по-прежнему выглядят цветущими островами культуры в море захлестнувшей город коммерции.

Визит на один из них, в Академический театр драмы, стал ключом к разгадке омского театрального феномена. Великолепное по красоте и изяществу здание театра, построенное в конце прошлого века и давно ставшее символом города, действительно выглядело островом, существующим вне времени. То, что почти все спектакли театра проходят при переполненном зале, я слышал и раньше. Удивило скорей не это: я впервые за много лет увидел по-театральному одетую публику. Вспомнилось давно забытое ощущение праздника перед походами в театр в раннем детстве.

Но, пожалуй, главным откровением стал сам спектакль Алексея Шипенко "Натуральное хозяйство в Шамбале" (режиссер Владимир Петров). Пронзительная пьеса о мелочности человеческих страстей, о выдуманном государстве где-то в недрах Тибета, где великие некогда диктаторы и злодеи мирно сосуществуют вместе, а их идеи, взятые вне времени и места, сродни налету плесени на их потрепанных мундирах, напомнила мне ситуацию в самом театральном Омске. Он и есть та самая Шамбала, казалось бы, самим Богом созданная для бегства человека к себе от невзгод и мерзостей окружающей действительности.

Человеческое сознание консервативно. По замечанию одного омского актера, все мы внутри себя до конца не расстались с брежневской эпохой. Вот и служит театр тем адаптирующим пространством, островом, где человек может осмотреться и заново осмыслить свое существование.

В пьесе идеальный мир Шамбалы рушится, уничтоженный бомбардировкой войск ООН; мир омской театральной Шамбалы процветает, несмотря на все худшающуюся экономическую ситуацию.

Традиционно два понятия – религия и творчество – ассоциируются у нас с человеческим духом. Не потому ли звучат под сводами Тарской церкви голоса артистов Омского музыкального театра, прославляя бессмертие человеческой души?

Михаил БОРИСОВ